

Пространство в жестовых языках как лингвофилософская категория

Л. В. Борисова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Статья посвящена роли пространства и времени в современных жестовых языках. В работе дан краткий анализ категорий концептуального и ментального пространства, рассматривается проблема темпорального мышления и концептуализации времени в звучащих языках, анализируется многофункциональность жестового пространства, в котором изменение уровня выполняемого жеста влечет за собой изменение смысла высказывания. Рассматривается план содержания и план выражения в жестовых языках неслышащих, сравнивается категория телесности и корпоральное пространство в звучащих и жестовых языках.

Ключевые слова: лингвофилософия; концептуальное пространство; ментальное пространство; жестовые языки; РЖЯ; план содержания; план выражения; означающее; означаемое; корпоральное пространство.

Категория пространства и сопряженная с ней категория времени являлись предметом философской рефлексии различных школ и направлений на протяжении многих столетий. Пространственные представления всегда играли большую роль в практической деятельности людей и существенно определяли когнитивное видение мира человека.

С развитием науки мифологическая картина мира, пространство которой неограниченно, дискретно, «одухотворено», метафорично, а время циклично и внеисторично, уступила место научной картине мира.

Следует отметить, что пространство и время как объективные формы бытия материи отличаются от своих естественно-научных репрезентаций, которые изменяются по мере развития естествознания и науки в целом. В связи с этим,

кроме реальных (объективных) пространства и времени, стали различать перцептуальное (психологическое) и концептуальное пространство и время.

Под перцептуальным пространством и временем понимают формы чувственного созерцания, отражение реальных пространства и времени в чувственном восприятии субъекта. Перцептуальное пространство, таким образом, является неотъемлемой частью иконической картины мира человека и лежит в основе хронотопа любого художественного произведения.

Концептуальное пространство и время — это наши знания и научное представление о реальном пространстве, которые оказываются более или менее адекватным отображением объективных пространства и времени. Следовательно, концептуальное пространство имеет отношение к научной картине мира. Перцептуальное

и концептуальное пространство представляют собой бинарную оппозицию и являются формами отражения материальной действительности, а также дальнейшего познания внешнего мира.

Примером концептуального пространства в современной лингвистике может служить «Теория ментальных пространств» Ж. Фоконье, терминологически восходящая к логико-философской теории «возможных миров» Г. Лейбница. Объединенные пространственно-временными взаимосвязями их частей, возможные миры изолированы друг от друга в рамках пространства и времени.

Согласно Фоконье, ментальные пространства (*mental spaces*) — это когнитивные структуры (фреймы, сценарии, скрипты), включающие в себя исходное пространство (*parent space*) и лингвистические выражения, маркирующие появление нового ментального пространства на основе исходного [1]. В отличие от возможных миров, эти структуры содержат не сами объекты реальности, а только их репрезентации. В теории ментальных пространств возникновение и функционирование языка определяется как динамический процесс «зашнуровки» и рассогласования различных типов концептуальных пространств [2, с. 411].

Язык, репрезентирующий экстернированное сознание, функционирует как универсальная семиотическая система двусторонних знаков, имеющих внешнюю, непосредственно воспринимаемую сторону и внутреннюю, информационную сторону, иначе говоря, план содержания (означаемое) и план выражения (означающее). План содержания языка является строительным материалом для синтагматической интерпретации линейных во времени событий, явлений, процессов, что справедливо как для звучащих, так и жестовых языков.

Однако план выражения в жестовых языках, основанных на визуально-кинестической модальности восприятия, значительно отличается от плана выражения полимодальных звучащих языков. «Отец лингвистики» Ф. де Соссюр, имея дело исключительно со звучащими языками, отмечал: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение — это линия» [3, с. 103]. Другими словами, план выражения в звучащих языках связан с понятием времени.

План выражения в жестовых языках (ЖЯ), напротив, связан с понятием пространства. Пространство в современных ЖЯ играет важнейшую роль, так как сам жестовый дискурс разворачивается в пространстве, в котором выполняются жесты.

В последнее время в когнитивной науке, анализирующей звучащие языки, все больше утверждается «корпоральный поворот», или «поворот к телу». С позиций лингвофилософии Э. Кассирера, тело человека является первичной сеткой координат, части которого составляют основу как для пространственных, так и временных обозначений [4]. В современных работах, посвященных исследованию проблем корпоральности в звучащих языках, в основном, анализируется темпоральная составляющая дихотомии время / пространство [5; 6].

В жестовых языках маркированным членом дихотомии является пространство. Жестовым пространством (*signing space*) считается пространство перед говорящим, связанное с его телом, т. е. корпоральное пространство, верхняя граница которого проходит немного выше головы (*up space*, рис. 1), а нижняя — чуть ниже талии (*down space*, рис. 2).

Нейтральное (жестовое) пространство (*zero, neutral space*) определяется как пространство фронтальной плоскости, в котором жест выполняется без контакта руки с телом (исключая контакт кистей рук между собой) (рис. 3).

В особую категорию выделяются жесты, выполняемые контактно или бесконтактно рука — голова (лицо) (*contact space*, рис. 4).

Рис. 1. Up space

Рис. 2. Down space

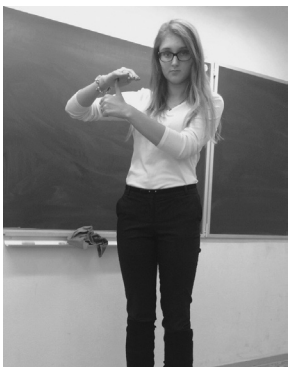

Рис. 3. Neutral space

Рис. 4. Contact space

Жесты в жестовых языках несут информацию вовне, а инструментом передачи этой информации является человеческое тело. Особенно высоким статусом тело наделяется в антропоцентрической парадигме. В соответствии с формулой Протагора «человек есть мера всех вещей», пространство знака в жестовом языке антропоцентрично и находится в корреляции с иконической картиной мира незлышащих. В пространстве жестового знака есть верх, низ, левое,

правое, пространство возле лица, около правого и левого плеча, в районе талии и др. Например, пространственная локализация жеста в русском жестовом языке (РЖЯ), связанная с транспортом, — антропоцентрична: самолет, автомобиль показаны с места водителя, летчика, тогда как жест *Врач*, например, локализован с позиции внешнего наблюдателя.

Как было отмечено выше, в пространстве языкового знака задействовано несколько уровней относительно тела говорящего. Базовыми являются уровни, показанные на рисунках 3 и 4.

Уровни, на которых выполняются жесты, показанные на рисунках 1 и 2, во многих случаях могут нести дополнительную смысловую нагрузку.

В качестве примера обратимся к работе в области каталонского жестового языка (*Catalan Sign Language, Llengua de Signes Catalana, LSC*), в которой речь идет о кванторах общности и существования. Кванторы существования сообщают, что «множество не пустое», что какое-то явление или вещь существует, при этом придавая речи оттенок неопределенности. В каталонском жестовом языке контекстное областное ограничение, которое опирается на предположение знакомого контекста, открыто выражено. Более низкое расположение жеста во фронтальной плоскости предполагает знакомство. Когда квантификатор пространственно локализован в более низкой части фронтальной плоскости, имеется в виду ограниченный набор элементов. Например, в предложении «Most students came» (STUDENT, MOST COME) говорится о том, что пришло не большинство студентов со всего мира, а скорее только рассматриваемая группа. Это ограничение, открыто закодированное квантором, пространственно локализуется на более низком уровне жестового пространства. Слабые

квантификаторы, которые утверждают существование и не подразумевают дружеских отношений, грамматически установлены только в верхней части фронтального пространства [7].

Кэрол Падден в научной работе, посвященной проблеме референции в жестовых языках, также опирается на тот факт, что пространство в жестовых языках, имеющее несколько уровней организации, по-разному функционирует в случае, например, пространственных и указательных глаголов. Для первых пространство призвано отображать реальный мир и положение объектов в нем; при этом каждая точка пространства значима. Для последних — пространство выполняет в основном контрастивную функцию, значимым же является вектор движения, посредством которого характеризуются референты [8].

Пространственные отношения левое / правое можно рассмотреть на примере анализа когнитивной метафоры в британском жестовом языке (*British Sign Language, BSL*). Рассказывая стихотворение, испытуемая показывала жесты *Глухой (Deaf)* и *Слышащий (Hearing)* одновременно правой и левой рукой, хотя выполняются они последовательно правой (доминирующей) рукой. Жест *Глухой* она жестикулировала правой рукой справа, жест *Слышащий* — левой рукой слева. Использование противоположных рук должно было показать противоположные идеи «Good is on the right» и «Bad is on the left» [9].

Когнитивная метафора — это наглядный пространственный образ, нанесенный на шкалу или ось времени. По Дж. Лакоффу, человек строит целую систему разнообразных концептов относительно концепта ориентации пространства. В английском языке положительные концепты, такие как здоровье, счастье и др., находятся вверху

относительно ориентации пространства, а плохие — болезнь, печаль, смерть — внизу. Так и в РЖЯ примером дихотомии верх/низ может служить жест *Смерть*. Кисти обеих рук в «3-конфигурации», указательные пальцы, кончиками направленные вперед, кладутся крест-накрест. Начинаясь в нейтральном жестовом пространстве, жест резко уходит вниз, показывая, как и в звучащих языках, что верх — хорошо, низ — плохо. В отличие от русского звучащего языка, смерть не противопоставляется жизни: жест *Жизнь* показан в нейтральном жестовом пространстве, так как все, что связано с жизнью, дактилируется главным образом в нем.

Таким образом, план содержания звучащих и жестовых языков, включающий в себя чувства, мысли, идеи, предметы и др. и являющийся материалом для синтагматической интерпретации линейных во времени процессов, различается в основном наличием в ЖЯ «безэквивалентной лексики».

План выражения в звучащих языках, рассмотренный нами в рамках структурной лингвистики, связан с понятием времени. Анализ работ, посвященных проблеме темпорального мышления и концептуализации времени с акцентом на корпоральный подход, позволяет сделать вывод, что и в современной лингвистике маркированным членом дихотомии время/пространство в звучащих языках выступает ее темпоральная составляющая.

В жестовых языках маркированным членом дихотомии является пространство. План выражения в них связан с понятием пространства, в котором выполняются жесты и разворачивается жестовый дискурс. Приведенные примеры показывают, что пространство в ЖЯ является не только местом выполнения жеста. В зависимости от уровня

фронтальной плоскости выполняемый жест может изменять смысл высказывания, уточнять его, нести во многих случаях дополнительную смысловую нагрузку. Корпоральная ориентация верх/низ, левое/правое также может изменять смысл высказывания в жестовых языках, особенно в случаях, имеющих отношение к когнитивной метафоре.

Литература

1. **Fauconnier G.** Mental spaces. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. XII, 185 p.
2. **Лазарев В. В.** Философия познания и лингвофилософия: парадигмальный подход: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 506 с.
3. **Соссюр Ф. де.** Труды по языкознанию / Пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича; [вступ. ст. А. А. Холодовича и др.]. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
4. **Кассирер Э.** Философия символических форм. Т. 1: Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 271 с. (Книга света).
5. **Залевская А. А.** Роль тела в языковой коммуникации: корпоральная семантика //

Психолингвистические исследования: слово и текст: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 35—46.

6. **Чугунова С. А.** Концептуализация времени: «Поворот к телу» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. Т. 2. № 3 (23). С. 025—032. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/026-006.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).

7. **Barberà G.** Domain Restriction in Catalan Sign Language (LSC) // FEAST 2012: Formal and Experimental Advances in Sign Language Theory. A SIGNGRAM COST Action Conference (June 1—2, 2012): Book of Abstracts. Warsaw: University of Warsaw, 2012. P. 14—15.

8. **Padden C. A.** The Interaction of Morphology and Syntax in American Sign Language. London: Routledge, 2016. 258 p. (Routledge Library Editions: Syntax Series; Т. 18).

9. **Борисова Л. В.** Лингвофилософские аспекты русского жестового дискурса // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 4 (12). С. 63—68.

Борисова Лариса Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков (ИнЯз) МИЭТ.
E-mail: nohas@yandex.ru

Статья поступила 19 мая 2017 г.